

— Невестка? Да какими же заслугами я должна обладать, чтобы признать тебя своей невесткой? Не вини меня в пристрастности, но твоя же сестра, с которой вы в одной семье росли, и характером и дарованием в сотни раз тебя превосходит. Выбрать тебя вместо Си — не то что сын мой не согласится, любой со стороны скажет, что я совсем ослепла.

— Отец, вы опять ошибаетесь! Если сестра выйдет за старшего брата Лана, вот тогда будет настоящий позор! — Стиснув зубы и подавив гнев, Юань Цин вновь напустила на лицо улыбку. — Старший брат Лан и сестра — оба мягкосердечны и добры. Нашему роду Юань доброта по карману, ведь мы лишь противоядия готовим. Но ваш род Ланов испокон веков яды творит. Если уж глава семьи будет добряком, так ему только и останется, что на блюдечке врагам податься!

Лань Сюнь промолчал.

Юань Цин решила, что он сдаётся, и продолжила:

— Пусть в моих словах и есть своя корысть, но в конечном счёте я о благополучии всех печусь. Разве я от рождения злой была? Будь у меня всё, что есть у сестры, я бы тоже чистой, как белый лотос в воде, осталась! Но, отец, задумайтесь: есть ли у сестры решимость ради семьи Лан жизнь не пощадить?

— Гм, — отозвался Лань Сюнь. — В этом ты права.

Юань Цин внутренне возликовала.

Однако Лань Сюнь тут же добавил:

— Нынешний упадок дома Лань, быть может, и оттого, что я лишь интригами да расчётами занят. Дело предков в моих руках гибнуть не должно. Лань Тянь и Си — натуры широкие. Когда бразды правления к ним перейдут, быть может, им и удастся репутацию нашего рода в мире поправить.

Улыбка сошла с лица Юань Цин.

— После всего сказанного, вы всё равно сестру выбираете?

— Если искренне желаешь Лань Тяню служить, в дом я тебя принять могу. Но хозяйкой тебе не бывать.

— То есть наложницей звать меня?

— Вообще-то, не советовал бы я тебе до конкубины опускаться, — бесстрастно заметил Лань Сюнь. — В сердце Лань Тяня одна лишь Си. Думаю, и сама ты это видишь.

Юань Цин замерла, уставившись на лунную дорожку за пределами беседки. Спустя некоторое время тихо вымолвила:

— Поняла.

— Поняла — и хорошо. Останешься в доме Ланов — не в обиде будешь.

Лань Сюнь поднялся, слегка встряхнул рукавами и покинул беседку.

Юань Цин смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду, и вдруг усмехнулась, прошептав

про себя:

— Уж коли ты меня припираешь, пеняй потом на себя!

На следующее утро Юань Си вместе с Юань Цин покинули дом Ланов и поселились в самой большой гостинице уездного города Сюньян. Весь постоянный двор был выкуплен семьёй Лань на полмесяца — в качестве временного пристанища для невесты перед свадьбой. К тому моменту здесь уже собрались родственники рода Юань, приехавшие из Усяня.

В ночь перед свадьбой Юань Цин пришла в покои сестры, неся свою постель.

— Сестра, разреши в последний раз с тобой переночевать.

— Да я бы и сама тебя позвала, — улыбнулась Юань Си, жестом приказав служанкам постелить постель для Юань Цин, а сама с сияющим лицом подвела её к туалетному столику. — Помоги выбрать, какое украшение лучше надеть?

Юань Цин внимательно отобрала один гарнитур.

— Вот это нравится.

— Значит, надену его! — Юань Си бережно уложила украшения в шкатулку и, подняв взгляд, в зеркале увидела, что Юань Цин пристально на неё смотрит. Сестре стало не по себе, и она обернулась:

— Что такое?

Юань Цин очнулась и улыбнулась.

— Ничего. Просто думаю, что после завтра наши отношения уже никогда прежними не будут. Немножко жаль.

— Глупенькая, выйду я замуж или нет — всегда твоей сестрой останусь, — обняла её Юань Си.
— Ты у меня одна-единственная, это никогда не изменится.

— Да, — обняла её в ответ Юань Цин. — Я тоже всегда буду помнить, что ты моя сестра.

На следующий день к вечеру к гостинице подошла свадебная процессия. Лицо невесты скрывал круглый веер, а с головного убора на щёки ниспадала жемчужная подвеска, сквозь которую угадывались, но не различались ясно черты лица. Видели лишь, что лицо нежное, а губы алеют. Невеста прошла по расстеленному у входа ковру и поднялась в свадебный паланкин.

Брачный союз между домами Лань и Юань был окончательно заключён — таково было общее мнение в мире рек и озёр.

Сон Чжуанцзы о бабочке: то ли бабочка в ясный сон его залетела, то ли сам он в сознание бабочки проник? Если человек древности мыслит как современный, то кто же это — житель нового времени, что сквозь время перенёсся в эпоху минувшую, или же человек старины, что о грядущем возмечтал?

Ли Эрлан понять этого не мог. Он дрыгнул ножкой, пытаясь привлечь внимание кормилицы и служанки. Увы, женщины, сойдясь головами, о чём-то тайном шушукались.

— Вчера опять нападение было. Старуха из-за этого в главном дворе страшный скандал закатила. Молодая госпожа только-только от родов отошла, здоровье ещё не вернула, где уж ей такие потрясения выносить?

— Верно. Сегодня видела, как господин вздыхал, — кажется, сдаётся.

Поговорив, обе перевели взгляд на Ли Эрлана. Тот заморгал, и кормилица сердцем над ним сжалилась. Подошла, взяла на руки и со вздохом молвила:

— Старший брат до сих пор и слова не говорит, а Эрлан, гляди, смышлёный да бойкий. Если господин действительно решится, наверное, Эрлана оставит.

— Не знаю, как сказать, — отозвалась служанка. — Сейчас в Чанъане куда опаснее, чем в Цяньтане. Ты только прикинь, сколько нападений за один месяц было.

Кормилица на мгновение замолчала, потом тихо проговорила:

— И старшему брату тоже несладко достаётся.

— Ещё бы!

Выходит, куда ни сунься — людское любопытство неистребимо. За эти дни Ли Эрлан наслушался достаточно, чтобы суть уловил. Если вкратце: отец его отличился, за что княжеский титул получил, а вот тётка невезучей оказалась — весь её род под нож пустили. Те, кто тоже пострадал, снюхались да в Чанъане убийства пошли устраивать. Бабка день-деньской боялась, что внуков кто изведёт, и настаивала, чтобы детей в поместье, в Юйхан, отправили. Но у княжеской четы только эти двое отпрысков и были, потому они, естественно, противились. Спорили стороны с самого рождения детей и вплоть до того, как стодневный пир отгремел. Теперь, похоже, к решению пришли — каждая сторону уступила: один ребёнок уезжает, другой остаётся.

Того, кто уедет, воины Цяньнюйвэй до самого Цзяннаня сопровождать будут. Там, вдалеке от императорского двора, у убийц и без того семей хватает, за которыми охотиться, — сходить с ума и в Цяньтан скакать незачем. Потому тот ребёнок в безопасности будет. Но вот от родителей он с той поры далеко, и в воспитании ему это на пользу не пойдёт.

А тот, кто останется, в любой момент жизни может лишиться.

Ли Эрлан надеялся, что в Цяньтан отправят его. К яркому миру Чанъаня он интереса не питал. Всегда он свободу любил, и лучше бы без родительской строгости, под бабкиной опекой — вот тогда делать можно всё, что вздумается.

Кормилица со служанкой продолжить не успели — в покои вошли несколько матушек, спеленали обоих малюток и понесли в главный двор.

Три с лишним месяца миновало, а здоровье княгини так и не восстановилось. Она лишь на мгновение прижала к себе детей, потом положила обратно на постель, смахнула слезинку с угла глаза и промолвила:

— Глядя на них, не могу о детях сестры не вспомнить. Черты у них с господином очень схожие. И как раз в день, когда Дэн ушёл, Цзин с Ин в мир явились. Неужто само небо так распорядилось?..

— Хватит о Дэне, — сурово проговорил князь.

— Хм! Если б не ты их не спас, стала бы старуха каждый день ко мне приставать? Не я же её дочь погубила, чего ко мне придираешься? Если б ты тогда хоть полслова втолковал ей, замуж за того не выходить, сестра бы сейчас в таком положении не оказалась! Бедный Дэн, ему и года не исполнилось...

Князь служанок отослал, наклонился к княгине и тихо, на ухо, сказал:

— Дэн жив.

— Что?! — не удержалась княгиня от восклицания.

Удивился и Ли Эрлан. Хотел было с братом-близнецом взглядами перемолвиться, обернулся — а тот, к досаде, опять спит.

Князь вкратце изложил свой план, потом глянул в окно, вернулся в кресло, тяжело вздохнул и устало проговорил:

— Сейчас ещё не время расслабляться, поменьше говори. И не плачь, здоровье себе только расстроишь.

На сердце у княгини от этих слов полегчало. Теперь-то она поняла, почему князь вдовствующей княгине уступил. Тогда он сестру свою, Ли Чань, от брака с наследным принцем Инь не уберёг, да ещё и князя Цинь поддержал, потому и вину перед Ли Чань до сих пор в душе носил. Теперь, когда её ребёнка тайком удалось спасти, князь лучшего решения и придумать не мог: сговорился с вдовствующей княгиней, чтобы семья Се из Усина ребёнка к себе взяла, а потом под видом младшего родственника по материнской линии в Цяньтан отправила — в компанию к княжескому сыну. Так Ли Дэн и под бабушкиным присмотром окажется, и личность свою раскрывать не придётся, а как отпрыск рода Се и на пропитание в будущем не будет жаловаться.

Стало быть, вдовствующей княгине веский повод покинуть Чанъань был необходим.

<http://bllate.org/book/15944/1425665>